

По сравнению с будущим, рыночная экономика в настоящее время была еще не так развита, и бюрократические процедуры были намного проще.

Особенно после того, как Сюй Чанфэн узнал о его планах, он специально связался с другом из торгово-промышленного бюро, и все документы были оформлены крайне быстро.

— Ван Вэй не дурак, увидев, как быстро ты оформляешь документы, он точно не посмеет строить какие-то козни, — с удовлетворением заметил президент Фэн, вспоминая удивленный взгляд Ван Вэя.

Цю Минцюань сомневался:

— Почему ты всегда подозреваешь людей? Ван-даге ведь такой хороший человек.

Фэн Жуй с досадой усмехнулся:

— Какой же ты деревянный! Я не говорю, что не верю ему, я не верю человеческой природе, понимаешь? Если бы это был ты, и ты с трудом создал империю на миллиарды, а кто-то много лет назад вложил всего несколько сотен тысяч и получил 20% акций, разве ты бы не чувствовал дисбаланс? Разве ты бы не попытался выкинуть его?!

Цю Минцюань недоуменно ответил:

— Конечно нет, он же спас меня в трудный момент, я бы только благодарен был. Не говоря уже о том, чтобы отплатить добром, я бы точно не думал о том, чтобы его выгнать.

— Ты... — Президент Фэн замолчал, а затем холодно сказал:

— Это ты!

Ну да, зачем он вообще спрашивает этого наивного дурачка!

— В любом случае, будь он честным до конца или изменится в будущем, мы просто свяжем его контрактом, — холодно заключил он. — Ты слушай, в будущем, что бы ни случилось, помни это. Лучше верить законам и документам, чем человеческой природе!

— Окей, понял, — улыбнулся Цю Минцюань. — Кстати, 20% — это просто так сказали?

Президент Фэн на этот раз самодовольно улыбнулся:

— После того, как Шуньда вышла на биржу, личная компания Ван Вэя стала крупнейшим акционером, я хорошо помню, у него было 65%. Если ты требуешь 20%, то это 13% акций компании, а у него остается 52%. Понимаешь, что это значит?

Цю Минцюань немного подумал и внезапно осознал:

— Понял, пока у него больше 50% акций, он не будет считать мою долю угрозой его контролю!

Да, он наконец полностью понял замысел Фэн Жуйя.

Требуемая доля Фэн Жуйя была не случайной, а тщательно рассчитанной.

Соединив известные данные из будущего с пониманием человеческой природы, он оставил Ван Вэю достаточно акций, чтобы гарантировать, что их давняя дружба не превратится в войну с

течением времени....

Зеленый поезд двигался медленно, останавливаясь на каждой маленькой станции.

К вечеру поезд остановился в Хэфэе, столице провинции Аньхой.

Вечерний закат пылал на западном небе, золотые лучи падали на обветшалое здание дежурной комнаты на станции. Глядя вдаль на знакомую дежурку, Цю Минцюань вдруг почувствовал что-то.

Несколько лет назад, зимой, когда он приезжал сюда продавать гособлигации, дядя из дежурки добродушно разрешил ему переночевать в своей комнате. Неужели он все еще здесь?

Под окном вагона маленькая девочка с акцентом южного Аньхоя робко подошла к вагону, продавая закуски:

— Кому нужно яйца в чае? Есть еще арахис и сушеный тофу...

Цю Минцюань протянул десять юаней:

— Девочка, сколько у тебя осталось яиц в чае?

— А... — Девочка задумалась, наклонила голову, и ее тонкие косички поднялись вверх. — Осталось двенадцать.

— Давай все.

Глаза девочки загорелись, и она радостно завернула все ароматные яйца, протянув их Цю Минцюаню в окно:

— Два мао за штуку, сдача семь юаней шесть мао.

Цю Минцюань взял яйца, но не принял сдачу:

— Не нужно, девочка. Иди домой пораньше.

— Эй, как же так! — Девочка заволновалась, вставая на цыпочки, чтобы протолкнуть сдачу в окно.

— Ох, теперь я знаю, что ты будешь делать, когда разбогатеешь, — тон президента Фэн был непонятен, то ли восхищение, то ли сарказм. — У тебя, как у Билла Гейтса, врожденное стремление к благотворительности.

Цю Минцюань смущенно подумал про себя: «Разве это плохо? Ведь у меня сейчас много денег».

Фэн Жуй не ответил, а через некоторое время спокойно сказал:

— Ничего плохого. Просто такие, как ты, легко становятся жертвами, которых обдирают до нитки.

— Я не боюсь, — равнодушно ответил Цю Минцюань, глотая яйцо. — Хочешь попробовать? Очень вкусно.

Фэн Жуй сразу сдался.

Под окном девочка все еще не сдавалась, прыгая на цыпочках, чтобы всунуть сдачу Цю Минцюаню.

Цю Минцюань, видя это, поспешил сменить тему:

— Кстати, девочка, ты часто здесь продаешь?

Девочка кивнула:

— Постоянно, после школы прихожу.

— А ты знаешь дядю из дежурки? — Цю Минцюань показал жестом. — С бородой, фамилия Цзян, обычно работает ночью.

Несколько лет назад, когда они приезжали в Хэфэй продавать гособлигации, этот дядя из дежурки позволил ему переночевать в своей маленькой комнатке.

Девочка вдруг покраснела:

— Вы... вы говорите о моем отце. Он сейчас не работает, здоровье плохое.

Она с любопытством посмотрела на Цю Минцюаня:

— Братец, вы знаете моего отца?

Цю Минцюань вздрогнул и поспешно спросил:

— Да, я знаю твоего папу! Что с ним?

Слезы девочки покатались градом:

— Его сбила машина, водитель был бедный, почти ничего не заплатил... У папы отняли ногу, и он ушел на пенсию.

Цю Минцюань замер, слушая. Неудивительно, что такая маленькая девочка уже работает на станции, чтобы помочь семье!

Он быстро открыл свою сумку, вытащил все важные документы и вещи, оставив только наличные.

Выезжая, он взял с собой достаточно денег, и сейчас в сумке было около 30-40 тысяч юаней.

Цю Минцюань высунулся из окна, схватил руку девочки и с силой сунул ей сумку.

— Девочка, я действительно знаю твоего отца, — торопливо прошептал он. — Это — отнеси домой отцу, будь осторожна!!

Поезд дал гудок и начал медленно двигаться. В сумраке никто не заметил странностей в этом маленьком уголке.

Девочка смотрела на сумку, бежала за поездом:

— Братец, что это?

Цю Минцюань отпустил ее маленькую руку, и его голос удалялся вместе с ускоряющимся поездом:

— Девочка, твой папа точно меня помнит! Несколько лет назад он разрешил мальчику переночевать в дежурке несколько раз, это плата за ночлег!...

Поезд покинул станцию Хэфэй, и сумерки сгущались.

На полях вокруг густо рос рис, готовый к уборке, тяжелые колосья сверкали в последних лучах заката, и легкий ветерок приносил аромат предстоящего урожая.

— Хорошо, хватит на жизнь обычной семье на десять лет, — президент Фэн долго молчал, а затем вдруг заговорил.

— Да, — тихо ответил Цю Минцюань.

Фэн Жуй вздохнул про себя. Этот человек, его сердце мягкое, как белый хлопок. Сколько бы его ни учили хитрости и жестокости, он все равно не запомнит.

Он помнит только добро и благодарность.

Ну и что? Пусть будет наивным и добрым. В конце концов, он рядом, как нянька, всегда его защитит.

— Фэн Жуй, скажи... люди действительно меняются? — Цю Минцюань зевнул, прислонившись к стеклу окна.

Фэн Жуй через его глаза смотрел на отражение юноши в стекле, вспоминая похожую сцену несколько лет назад.

Тогда они тоже ехали в Аньхой покупать гособлигации, и впереди была станция Хэфэй.

В одно мгновение лицо слабого и растерянного мальчика в стекле превратилось в лицо красивого и спокойного юноши. Черты лица остались прежними, но он вырос, и в его спокойных глазах, когда он улыбался, сверкали звезды.

Фэн Жуй не мог гарантировать, что люди не меняются, но он смутно чувствовал, что связь между ним и этим человеком, вероятно, останется неизменной...

Когда они вернулись в Дуншэнь, был уже август.

<http://bllate.org/book/16729/1539244>